

Академическая свобода и развитие философии в Германии.

(Лекция, прочитанная студентам Московской духовной академии 17 сентября 1904 года).

Почему философия болѣе всего процвѣтаетъ въ Германіи?—Отъ философскаго склада ума нѣмцевъ или отъ условій ихъ философской работы?—Традиціи нѣмецкихъ университетовъ.—„Академическая свобода.“—Свобода преподаванія, какъ гордость нѣм. университетовъ.—Конфликты академической свободы съ интересами жизни.—Исходъ и значеніе этихъ конфликтовъ.—Несмѣняемость профессоровъ и отсутствіе административнаго контроля надъ ихъ преподавательской дѣятельностью.—Студенческая свобода ученія.—Организація учебныхъ занятій студентовъ.—Условіе возможности такой организаціи (университетъ не даетъ правъ гражданской службы).—Студенческая свобода поведенія.—Вліяніе академической свободы.—Вліяніе на выработку философскихъ воззрѣній.—Почва для процвѣтанія философіи.—Атмосфера, благопріятствующая этому процвѣтанію.—*Exempla in contrarium*: средніе вѣка;—эпоха возрожденія;—философія въ Россіи.—Благопріятныя почва и атмосфера для философіи въ Германіи.—Легкость философскаго творчества.—Относительное безсиліе антифилософскихъ тенденцій и предрасположеній: практическаго интереса и вліянія чувства;—вліянія наивнаго міровоззрѣнія здраваго смысла;—догматическаго вліянія предш. философскихъ системъ.—Академическая свобода воспитываетъ стремленіе къ оригинальности.—Студенческая свобода создаетъ болѣе естественный подборъ умственныхъ силъ къ спеціальностямъ.—Вліяніе академической свободы на распространеніе и усвоеніе философскихъ ученій.—Значеніе приватъ-доцентуры.—Философскія общества и студенческіе научные фрейны.—Заключеніе.

Мм. Гг.!

Возобновляя свою преподавательскую дѣятельность въ академіи, послѣ годичной заграничной командировки, я чувствую и потребность и обязанность подѣлиться съ Вами нѣкоторыми вынесенными мною изъ-за границы впечатлѣ-

ніями, имѣющими отношеніе къ предмету моего преподаванія. Я не буду сегодня говорить Вамъ о современномъ состояніи западной философіи, ея направленіяхъ, представителяхъ, преобладающихъ тенденціяхъ и т. п.;—все это войдетъ въ составъ моего курса, будетъ предметомъ моихъ послѣдующихъ чтеній. Не стану также много останавливаться на частностяхъ въ организаціи философскаго преподаванія въ Германскихъ университетахъ, что было предметомъ моего спеціальнаго изученія въ проведенный за границу годъ;—это можетъ имѣть практическое значеніе для тѣхъ изъ Васъ, кому въ будущемъ самимъ придется быть преподавателями философскихъ предметовъ;—и я надѣюсь впоследствии найти время побесѣдовать съ Вами объ этомъ. Теперь же я хочу лишь воспользоваться своими наблюденіями надъ жизнью нѣмецкихъ университетовъ и въ условіяхъ этой жизни поискать отвѣта на вопросъ, который меня, какъ историка философіи, долженъ былъ заинтересовать прежде всего: что дѣлаетъ Германію, по меньшей мѣрѣ, уже болѣе столѣтія классической страной философіи? почему послѣдняя нигдѣ такъ не процвѣтаетъ и не разрабатывается, какъ именно у нѣмцевъ?

Обычная ссылка на специфически философскій складъ нѣмецкаго ума,—въ тѣхъ случаяхъ, когда она не является пустой отговоркой,—можетъ объяснить въ интересующемъ насъ вопросѣ лишь немного: особый характеръ и, такъ сказать, національный колоритъ нѣмецкой философіи, наиболѣе любимый ею кругъ проблемъ и т. п.; но почему философіи здѣсь больше, чѣмъ гдѣ-либо?—почему интересъ къ ней здѣсь никогда не оскудѣваетъ до полного почти исчезновенія, какъ это иногда случается въ другихъ странахъ?—почему болѣе всего оригинальныхъ и крупныхъ системъ появляется именно здѣсь?—на всѣ эти вопросы простая ссылка на складъ нѣмецкаго ума отвѣтить не можетъ. Къ усвоенію любыхъ философскихъ доктринъ другія національности способны не менѣе нѣмцевъ. Къ философскому творчеству—тоже. Но въ напряженности и широтѣ (интенсивности и экстенсивности) философской работы нѣмцы не знаютъ себѣ соперниковъ. Ясно, что разгадка лежитъ не въ свойствахъ самаго ума нѣмецкаго, какъ такового, а въ особенностяхъ благоприятныхъ условіяхъ его развитія и въ обста-

новкѣ его дѣятельности. Вотъ объ этихъ-то условіяхъ и обстановкѣ я и хочу поговорить съ Вами сегодня.

Почти всѣ нѣмецкіе философы—люди съ университетскимъ образованіемъ (или, какъ нѣмцы говорятъ, „*akademisch gebildete Leute*“), и изъ нихъ безусловное большинство—университетскіе преподаватели (профессора и приватъ-доценты). Нѣмецкой философіи по преимуществу приличествуетъ названіе „школьной философіи“, чего нельзя сказать ни объ англійской, ни о французской философіи. Этому не препятствуетъ даже то обстоятельство, что нѣкоторые крупнѣйшіе изъ нѣмецкихъ философовъ, напр., Кантъ, Шопенгауэръ, Ницше, были рѣшительными врагами и хулителями именно „школьной“ философіи. Къ нимъ самимъ вполне примѣнимо то, что я сказалъ вообще о нѣмецкихъ философахъ (они были людьми университетскаго образованія и университетскими преподавателями,—двое послѣднихъ, впрочемъ, очень недолго); и самая ихъ философія сравнительно очень скоро сдѣлалась предметомъ школьнаго изученія и разработки. Традиціи и жизненный укладъ нѣмецкой школы (университета), по моему мнѣнію, и образуютъ ту благоприятную и плодоносную почву, на которой пышнымъ цвѣтомъ расцвѣтаетъ философія.

Чѣмъ же характеризуются университетское преподаваніе и студенческія занятія въ Германіи?—Мнѣ кажется, что такую центральную характерную черту можно обозначить однимъ словомъ: *свобода*! Университетская наука въ Германіи—свободна: свободно ея преподаваніе и свободно ея изученіе. Эта, какъ ее нѣмцы называютъ, „*академическая свобода*“ („*akademische Freiheit*“), по существу дѣла, имѣетъ двѣ стороны: 1) свобода *профессоровъ* преподавать что угодно и какъ угодно; и 2) свобода *студентовъ* изучать что угодно, гдѣ угодно и какъ угодно. Первая есть свобода преподаванія—„*Lehrfreiheit*“, вторая есть свобода ученія—„*Lernfreiheit*“ („*lehren*“ и „*lernen*“). Это понятіе „*Lehr- und Lernfreiheit*“ не есть простое притязаніе или даже отвлеченіе отъ существующаго положенія дѣла, а молчаливо признаваемый самымъ нѣмецкимъ законодательствомъ принципъ, нормирующій университетскую жизнь,—дѣятельность профессоровъ и занятія студентовъ.

Прежде чѣмъ говорить о значеніи этого принципа для

процвѣтанія философіи, я познакомлю Васъ вкратцѣ съ сущностью, проявленіями и границами этой „академической свободы“.

1. Начну съ свободы преподаванія. Сами нѣмцы охотно подчеркиваютъ эту особенность своей университетской организаци и справедливо гордятся ею. „Свобода преподаванія,—говоритъ извѣстный современный Берлинскій философъ и знатокъ Германской университетской жизни, проф. Фр. Паульсенъ,—есть гордость нѣмецкаго университета. Она тѣснѣйшимъ образомъ связана съ тою духовной свободой вообще, которая образуетъ столь характерную черту нашей народной жизни. Если другія народности хвалятся своею силою, своими владѣніями, своими свободными учрежденіями, то нѣмецкій народъ можетъ похвалиться (сколько бы ни имѣлъ еще онъ въ другихъ отношеніяхъ поводовъ для недовольства) своею духовной свободой; гдѣ ему отказано въ свободной и сильной дѣятельности, тамъ онъ находитъ замѣну и утѣшеніе въ свободномъ мышленіи. А это свободное мышленіе свило себѣ гнѣздо прежде всего въ университетѣ. Въ то время, какъ въ университетахъ другихъ странъ, гордящихся своей политической свободой, мышленіе и изслѣдованіе стѣснены церковной и государственной опекой или косностью корпоративнаго устройства и давленіемъ бездушно-неделикатнаго общественнаго мнѣнія, нѣмецкій университетъ сдѣлался твердыней и оплотомъ свободнаго мышленія, не связаннаго никакими догмами, никакими нормами, кромѣ тѣхъ, какія устанавливаются самимъ разумомъ. Отсюда гордость нѣмца своимъ университетомъ. Отсюда—чувствительность широкихъ круговъ общества ко всякому давленію въ этомъ пунктѣ; нѣмецъ перенесетъ многія ограниченія личной свободы съ большимъ и для иностранца часто удивительнымъ терпѣніемъ; но въ этомъ пунктѣ,—къ чести его надо сказать,—онъ очень чувствителенъ: свобода мышленія, изслѣдованія и преподаванія есть ревниво охраняемый палладіумъ неписанной конституціи нѣмецкаго народа“¹⁾. Подобныя же характеристики даютъ

¹⁾ *F. Paulsen, Die deutschen Universitäten und das Universitätsstudium. Berlin. 1902. SS. 286—287.* Изъ этой книги я далѣе черпаю свои фактическія указанія по всѣмъ пунктамъ, которыхъ не могъ провѣрить личнымъ наблюденіемъ.

и иностранцы, изучавшіе состояніе нѣмецкихъ университетовъ,—напр., выдающійся американскій философъ и педагогъ Stanley Hall. И можно думать, что нѣмецкимъ университетамъ никогда не придется краснѣть за утрату права на такую характеристику.

Свобода преподаванія сдѣлалась существенной и неотъемлемой принадлежностью нѣмецкаго университета еще съ 18 столѣтія. Уже съ тѣхъ поръ на университетскаго преподавателя не возлагается болѣе обязанность сообщать лишь установленныя и авторизованныя истины; онъ долженъ самостоятельными изысканіями вырабатывать научныя познанія и вводить въ кругъ ихъ своихъ слушателей. Преподаваемая имъ наука не дана въ качествѣ готовой системы, а лишь предстоитъ ему какъ совокупность задачъ, разрѣшенію которыхъ онъ долженъ посвятить свои умственныя силы, дѣлясь при этомъ достигнутыми результатами съ своими слушателями и вводя ихъ самихъ въ технику научной работы. Для академическаго преподавателя, а также и для его слушателей не существуетъ никакихъ обязательныхъ или запретныхъ мыслей. Для преподаванія существуетъ одна только норма: оправдать истину своего ученія предъ разумомъ и фактами.

Нельзя, правда, сказать, чтобы эта свобода нигдѣ не вступала въ конфликтъ съ тѣми или иными интересами жизни, и чтобы ей не пытались съ той или иной стороны ставить границы: но въ общемъ она всетаки является, какъ я сказалъ, признаннымъ и безспорнымъ правомъ нѣмецкихъ университетовъ. Многія науки уже давно и окончательно пользуются нѣкъмъ безусловно не оспариваемой и безграничной свободой. Въ естественныхъ наукахъ, въ медицинѣ, въ наукахъ математическихъ и филологическихъ никто и не подумаетъ давать изслѣдованію какія-либо, положительныя или отрицательныя, предписанія относительно его содержанія; только развѣ изрѣдка,—да и то не принципиально, а лишь фактически,—то тамъ, то сямъ пытаются ему ставить нѣкоторыя границы;—это случается тамъ, гдѣ научное изслѣдованіе по предмету своему приходитъ въ соприкосновеніе съ социальными силами, съ государствомъ или церковью, т.-е. въ вопросахъ религіозныхъ, политическихъ и социальныхъ. Богословіе, философія, политическія и социальныя

науки, понятно, чаще наталкиваются на такое противодѣйствіе и потому вынуждены еще бывають иногда защищать свою свободу ¹⁾. Теченіе и исходъ этихъ конфликтовъ не только весьма поучительны для сторонняго наблюдателя нѣмецкой жизни и культуры, но и воспитательнымъ образомъ дѣйствуютъ на самый нѣмецкій народъ въ самыхъ разнообразныхъ и широкихъ его слояхъ. Послѣднее обстоятельство, въ свою очередь, улучшаетъ и расширяетъ почву для философскихъ посѣвовъ и всходовъ. Борьба за свободу часто приноситъ такіе же, если только не лучшіе плоды, чѣмъ и обладаніе свободой. Философія, такимъ образомъ, всегда остается въ чистомъ выигрышѣ. Весьма удачно характеризуетъ сущность или природу этихъ конфликтовъ упоминавшійся уже мною философъ Паульсенъ. „Конфликтъ, говоритъ онъ, вездѣ одной и той же природы: это—конфликтъ между теоретикомъ и практикомъ, философомъ и политикомъ, можно даже сказать еще общѣе—конфликтъ между двумя существенными сторонами человѣческой природы, разумомъ и волей“ ²⁾. Всякая практическая дѣятельность только тогда можетъ достигать какихъ-либо цѣлей и даже ставить самыя цѣли, когда арена и условія дѣятельности даны въ неоспоримо правильномъ представленіи: программа, рассчитанная на одну картину дѣйствительности и на одно соотношеніе реальныхъ силъ, можетъ оказаться совершенно неисполнимой въ рамкахъ другой картины и при другомъ соотношеніи. Научное же и философское мышленіе никогда не могутъ остановиться на какомъ-либо одномъ, окончательно достигнутомъ представленіи: они постоянно заняты пересмотромъ фактовъ, новой провѣркой отношеній, „переоцѣнкой цѣнностей“. Ясно, что практической дѣятельности часто долженъ имѣть поводы быть недовольнымъ результатами и направлениемъ научно-философскихъ изслѣдованій, такъ какъ ему постоянно приходится быть готовымъ къ передѣлкѣ, а то такъ и къ упраздненію многосложныхъ предпріятій и организацій, начатыхъ въ виду другихъ теоретическихъ концепцій, но уже связанныхъ тысячью нитей съ многоразличными и существенными жизненными интересами людей.

¹⁾ Vgl. Paulsen, a. a. O. SS. 288—292.

²⁾ S. 292.

Здѣсь легко возникаетъ подозрѣніе, что наука идетъ неправильнымъ путемъ, вдохновляется не объективнымъ интересомъ къ истинѣ, а руководится революціонными мотивами, подкапывается подъ существующій строй и устои государственной и церковной жизни. Отъ такихъ подозрѣній, въ сущности, недалеко и до стѣсненій и до попытокъ преслѣдованія науки или ученыхъ... И надо правду сказать, попытки въ этомъ родѣ въ отношеніи къ богословамъ, философамъ, социологамъ и др. подобнымъ изслѣдователямъ бывають иногда и въ Германіи даже доселѣ. Но, къ чести нѣмецкаго народа и образованнаго общества, онѣ почти всегда оканчиваются неудачей! Причина этого—въ томъ, что нѣмецкіе реакціонеры и консерваторы никогда не доходятъ до такого цинизма, какъ охранители въ другихъ странахъ, чтобы просто запрещать тѣ или иныя идеи безъ всякихъ разсужденій. Они никогда не рѣшаются принципиально отвергать свободу изслѣдованія и вслѣдствіе этого вынуждены вступать въ споръ съ своими противниками. На этой же почвѣ, само собою понятно, ихъ кампанія заранѣе обречена на проигрышъ. Если же какой нибудь министръ культовъ (такъ называется въ Германіи министръ, вѣдающій, между прочимъ, и народное просвѣщеніе) вздумалъ бы просто безъ всякихъ разсужденій предписывать научному изслѣдованію тѣ или иныя идеи, то это вызвало бы такой взрывъ всеобщаго негодованія какъ въ либеральныхъ, такъ и въ самыхъ консервативныхъ кругахъ, что такая затѣя не просуществовала бы и одного дня. Въ виду всего сказаннаго, можно думать, что въ сравнительно непродолжительномъ времени и самыя попытки стѣснять свободу изслѣдованія, за недостаткомъ принципиальной почвы, окончательно заглохнутъ въ Германіи.

Теперь же, какъ я сказала, эти попытки самымъ теченіемъ создаваемыхъ ими конфликтовъ воспитываютъ нѣмецкій народъ въ чувствѣ непоколебимаго уваженія къ свободѣ мысли и въ критическомъ отношеніи ко всякимъ догмамъ и традиціоннымъ взглядамъ. Нѣмецъ, на глазахъ котораго вооруженная силой власть, выступающая на защиту якобы самыхъ священныхъ традицій и идей, должна уступать скромнымъ работникамъ научно-философской мысли, привыкаетъ думать,

„Что сила не можетъ сравняться съ умомъ,

„Что высшая сила—могущество знанья“...

Такое настроеніе есть одно изъ самыхъ существенныхъ условій для правильнаго воспріятія всякаго независимаго и новаго философскаго возрѣнія и для самостоятельнаго философскаго творчества. Вотъ въ этомъ смыслѣ можно, если угодно, говорить о специально-философскомъ складѣ нѣмецкаго ума; но нужно помнить, что складъ этотъ не данъ отъ природы, а воспитанъ условіями нѣмецкой умственной жизни. Говоря о профессорской свободѣ преподаванія въ Германіи, я намѣренно остановился на свободѣ ихъ проводить тѣ или инныя идеи въ области преподаваемой науки. Это—самая основная и важная, такъ сказать, принципиальная черта „академической свободы“. Въ связи съ нею стоитъ никакимъ закономъ, собственно говоря, не утвержденное, но молчаливо признаваемое право профессора оставаться на занимаемой имъ кафедрѣ, сколько ему будетъ угодно: удаленіе со службы или перемѣщеніе профессора въ интересахъ службы въ нѣмецкихъ университетахъ обыкновенно не имѣетъ мѣста. У начальства, такимъ образомъ, не оказывается одного изъ сильнѣйшихъ средствъ давленія на научную совѣсть профессора. Удаленіе отъ службы или переходъ въ другой университетъ (къ слову сказать, довольно часто практикуемый нѣмецкими профессорами) происходятъ только по собственной волѣ профессора. Другія принадлежности этой свободы касаются болѣе разныхъ техническихъ сторонъ въ организации преподаванія и собственно служебныхъ деталей профессорской дѣятельности. Профессоръ, при своемъ опредѣленіи на службу, получаетъ вообще право преподаванія извѣстнаго круга наукъ; но какъ онъ воспользуется этимъ правомъ, это—почти исключительно его личное дѣло: онъ вполне самостоятельно опредѣляетъ тѣ курсы, какіе онъ собирается читать, тѣ упражненія, какія думаетъ вести съ своими слушателями, число часовъ въ недѣлю и т. п. Обыкновенно считается обязательнымъ, чтобы профессоръ читалъ въ семестръ два курса,—одинъ публичный и другой приватный; но и эта обязательность далеко не безусловная, а скорѣе—только обычай. О какомъ-либо контролѣ надъ дѣятельностью профессора, ревизіи ея, отчетности съ его стороны и т. п., конечно, тоже нѣтъ рѣчи.

2. Описанной профессорской „свободѣ преподаванія“ вполне соответствуетъ студенческая „свобода ученія“ — „Lernfreiheit“,—право учиться гдѣ угодно, чему угодно и у кого угодно. Обыкновенно принятый въ университетъ (имматрикулировавшийся) студентъ обязывается избрать факультетъ и записаться на одинъ частный (платный) курсъ; публичныхъ (бесплатныхъ) курсовъ онъ можетъ записать себѣ сколько угодно, по своему усмотрѣнью,—можетъ ограничиться тоже только однимъ. Этимъ всѣ его обязательства и исчерпываются. Дальше онъ можетъ никогда болѣе до конца семестра не заглядывать въ университетъ (лишь въ концѣ семестра онъ обязанъ подать своимъ профессорамъ, къ которымъ записался, свою имматрикуляціонную книжку для отмѣтки о прослушаніи курса),—и однакоже онъ пользуется всѣми правами и преимуществами студента на все время, пока остается имматрикулированнымъ (а права и преимущества эти довольно значительны и многочисленны: напр., право бесплатнаго лѣченія въ клиникахъ и у университетскихъ профессоровъ медицины, льготное или бесплатное полученіе лѣкарствъ изъ аптекъ, право быть судимымъ университетскимъ судомъ по большинству проступковъ не уголовного и не искового характера, свобода отъ полицейскаго задержанія или ареста и т. п.). Въ началѣ слѣдующаго семестра онъ обязанъ повторить запись минимумъ на два курса (частный и публичный) и—только. Время пребыванія студента въ университетѣ (число семестровъ) — неограниченно: желающіе могутъ хоть всю жизнь оставаться имматрикулированными (и, замѣчу кстати, такіе экземпляры встрѣчаются едва ли не въ каждомъ нѣмецкомъ университетѣ;—въ прошломъ году, напримѣръ, сообщалось въ газетахъ о смерти одного такого „вѣчнаго студента“ въ возрастѣ, кажется, 60 лѣтъ). Ученіе въ одномъ и томъ же университетѣ—необязательно: студентъ можетъ хоть каждый семестръ переходить въ новый университетъ, при чемъ его имматрикуляція вездѣ сохраняетъ силу, и права, пріобрѣтенныя прослушаніемъ тѣхъ или иныхъ курсовъ въ разныхъ университетахъ, не теряются (и надо сказать, что нѣмецкіе студенты вообще очень широко пользуются этимъ правомъ переходить изъ университета въ университетъ; это считается даже, — между студентами,—какъ будто и необходимымъ; теоретически это оправ-

дывается желаніемъ послушать лучшихъ профессоровъ въ разныхъ университетахъ, на практикѣ же часто дѣлается просто для разнообразія и для собственного удовольствія) ¹⁾.

Говоря о минимальномъ количествѣ учебныхъ обязанностей нѣмецкаго студента, я отнюдь не хотѣлъ сказать, что всѣ или даже большинство студентовъ этимъ именно минимумомъ и ограничиваются. Я желалъ только выяснитъ Вамъ крайній предѣлъ (*terminus ad quem*) „академической свободы“ нѣмецкаго бурша. На самомъ же дѣлѣ, конечно, не можетъ найтись особенно много охотниковъ оставаться въ университетѣ ради прелестей ничегонедѣланья и сладкой возможности сознавать себя „свободнымъ“ буршемъ (хотя не могу не прибавить, что вообще-то такое сознаніе играетъ въ жизни нѣмецкаго студенчества весьма большую роль; и Вы весьма часто въ различныхъ студенческихъ пѣсняхъ услышите одинъ и тотъ же ихъ любимый припѣвъ: „*frei ist der Bursch! frei ist der Bursch!*“). Большинство всегда имѣетъ въ виду какія-либо опредѣленные цѣли—либо практическія, либо научныя. Въ томъ и другомъ случаѣ, они избираютъ себѣ извѣстный, довольно значительный, кругъ наукъ (гораздо меньшій, однакоже, чѣмъ обязательно изучаемый нашими студентами—въ университетахъ и, напр., въ нашей академіи) и занимаются ими, сообразно съ преслѣдуемой цѣлью, довольно усердно: посѣщаютъ лекціи, участвуютъ въ семинаріяхъ (практическія занятія), пишутъ рефераты, готовятся къ преніямъ, работаютъ въ лабораторіяхъ и т. п. Подборъ такого или иного круга наукъ всецѣло предоставляется вкусамъ и интересу самихъ учащихся. Университетъ, съ своей стороны, только даетъ всякому желающему полную возможность удовлетворить всѣ его учебныя и научныя нужды. Ищущій сравнительно элементарныхъ познаній найдетъ ихъ въ курсахъ, назначаемыхъ специально „для начинающихъ“; желающій серьезныхъ научныхъ занятій можетъ обратиться къ специальнымъ курсамъ „для преуспѣвшихъ“ („*für fortgeschrittene*“), къ семинаріямъ, лабораторіямъ и къ разнаго рода „*privatissima*“. Короче говоря, университетъ предлагаетъ своимъ питомцамъ минимумъ обязательныхъ занятій и максимумъ возможности при-

¹⁾ Только докторскій экзаменъ студентъ можетъ сдавать лишь въ томъ университетѣ, гдѣ онъ пробылъ два послѣднихъ семестра.

обрѣсти любой запасъ знаній желательнаго объема, глубины и основательности: кто хочетъ, можетъ получить очень много,— можно сказать, все желаемое;—кто не хочетъ, можетъ хоть абсолютно ничего не дѣлать. И то и другое принципиально разсматриваются, какъ явленія вполне нормальныя.

Такая свобода ученія едва ли была бы возможна и едва ли допускалась бы, если бы нѣмецкій университетъ, подобно нашему, давалъ права гражданской службы. Но онъ совершенно не даетъ таковыхъ. Послѣднiя приобрѣтаются въ государственныхъ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ, независимыхъ отъ университета. Университетъ даетъ только знанія, а государство—права. Единственное званіе, какого можетъ удостоивать университетъ, есть докторская степень. Приобрѣтеніе ея не обязательно; но желающіе (и такихъ оказывается едва ли не большинство) могутъ получать ее по спеціальному экзамену и по защитѣ диссертациі.

Понятіе „академической свободы“ студента не покрывается описанной свободой ученія. Нѣмецкое студенчество свободно и во всемъ своемъ внѣучебномъ поведеніи. Никакихъ прямо воспитательныхъ цѣлей относительно его университетъ не преслѣдуетъ. Никакой инспекціи въ нашемъ смыслѣ слова нѣмецкій студентъ не знаетъ. Онъ живетъ такъ, какъ считаетъ нужнымъ, и рѣшительно ни предъ кѣмъ за свое поведеніе не отвѣдственъ,—разумѣется, если только онъ не совершаетъ преступленія противъ общихъ гражданскихъ или уголовныхъ законовъ. И нельзя сказать, чтобы такое отсутствіе воспитательныхъ воздѣйствій дурно отзывалось на нравственномъ уровнѣ учащагося юношества и губило его будущность. Большинство изъ нихъ, правда, очень сильно пьютъ, многіе скандалятъ, иные развратничаютъ; но въ общемъ, въ концѣ концовъ, изъ нихъ все-таки выходятъ почтенные и хорошіе практическіе дѣятели, ученые, мыслители и т. п. Нужно, впрочемъ, прибавить, что очень много есть и безусловно корректныхъ въ моральномъ отношеніи юношей. Въ сущности, на мой взглядъ, съ педагогической точки зрѣнія результаты свободы оказываются совершенно такими же, какъ и результаты нашей школьной педагогіи со всѣми ея инспекторами, съ-инспекторами, надзирателями и т. п.

Показавши Вамъ въ болѣе или менѣе конкретныхъ чертахъ, въ чемъ состоитъ та „свобода“, которая характеризуетъ университетскую жизнь въ Германіи, я могу вернуться къ поставленному мною въ началѣ лекціи вопросу,—какое вліяніе это обстоятельство оказываетъ на развитіе нѣмецкой философской мысли.

Вліяніе это мнѣ представляется двоякимъ: оно простирается—1) на выработку философскихъ воззрѣній или на созданіе философскихъ системъ и 2) на распространеніе и усвоеніе послѣднихъ ¹⁾).

1. Философія есть растеніе весьма деликатное, которое для своего процвѣтанія и нормальнаго развитія нуждается въ извѣстной благопріятной атмосферѣ и почвѣ. Къ философствованію способны всѣ люди, но не у всѣхъ это философствованіе бываетъ одинаково плодотворно. Можно указать цѣлыя эпохи, когда философовъ были массы, но созданныя ими доктрины едва заслуживаютъ имени философій. Къ такимъ эпохамъ можно, на примѣръ, отнести эпоху возрожденія

¹⁾ Само собою понятно, что вліяніе это не принадлежитъ къ числу осязательно указуемыхъ и количественно измѣримыхъ фактовъ. Оно становится понятнымъ и очевиднымъ, если вникнуть въ психологическія условія философскаго творчества и настроенія, если сравнить эти условія съ условіями другихъ странъ и т. п. Выясненіе это, по необходимости, должно пользоваться разнаго рода аналогіями и сопоставленіями, не всегда прииудительно очевидными. Оно обладаетъ полной субъективной убѣдительностью для того, кто сумѣетъ себя мысленно поставить въ положеніе нѣмецкаго университетскаго преподавателя и студента и при этомъ живо почувствовать то настроеніе, которое они переживаютъ. Что же касается объективной достовѣрности, то она можетъ быть достигнута лишь въ нѣкоторыхъ частностяхъ. Но этимъ смущаться не слѣдуетъ. Такого рода вопросы, какъ объ условіяхъ плодотворности духовной дѣятельности любого рода,—въ особенности, когда рѣшеніе должно даваться для настоящаго или будущаго времени,—не допускаютъ иного отвѣта, какъ въ формѣ прямѣрнаго и приблизительнаго расчета на возможное настроеніе, въ извѣстныхъ условіяхъ, лицъ, занимающихся рѣшеніемъ вопроса: разсуждающій и его слушатели или читатели должны вообразить себя въ данныхъ условіяхъ и уже на основаніи этого рѣшать. Конечно, не всѣ люди одинаковы,—иной могъ бы философствовать и въ рудникахъ на каторгѣ; но не на такихъ людей и рассчитаны схемы „благопріятнѣйшихъ“ условій. Едва ли надо прибавлять, что въ отношеніи къ историческому прошлому возможно и вполнѣ объективное и надлежащимъ образомъ аргументированное сужденіе.

и средніе вѣка. Таковую эпоху доселѣ еще переживаетъ и наша русская философія.

Почву для процвѣтанія философіи образуютъ результаты положительныхъ наукъ, такъ или иначе приходящіе въ конфликтъ съ традиционными вѣрованіями и господствующими въ обществѣ догматическими воззрѣніями. Философія, какъ самостоятельное исканіе истины, возникаетъ обыкновенно тогда, когда обнаруживается противорѣчіе между традиціоннымъ, обычнымъ въ данномъ обществѣ міровоззрѣніемъ (естественное міровоззрѣніе обыденнаго, наивнаго или т. н. здраваго смысла, унаслѣдованное отъ предковъ и поддерживаемое консерватизмомъ среды религіозно-нравственное міровоззрѣніе, сросшіяся съ ними устарѣлыя научныя идеи и т. п.) и накопившимися новыми научными знаніями. Что наука ведетъ насъ къ истинѣ,—отрицать это едва ли хватитъ смѣлости даже у самаго убѣжденнаго приверженца здраваго смысла и традиціонныхъ вѣрованій. А что простая замѣна поколебленныхъ традиціонныхъ вѣрованій и представленій научно дознанными истинами не даетъ субъективнаго удовольствія,—ибо не отвѣчаетъ на тѣ интимнѣйшіе запросы духа, которые обслуживались старыми воззрѣніями,—и производитъ въ міровоззрѣніи большее опустошеніе, нежели можно было ожидать, судя по содержанію новой научной истины,—ибо изъ стройной и гармоничной системы нельзя вынуть одно звено, не поколебавъ цѣлаго,—въ этомъ очень скоро убѣждается всякій, кто только попытается подобнымъ образомъ накладывать новыя заплаты на старую одежду. Необходимость ревизіи всего міровоззрѣнія и новаго его обоснованія въ согласіи съ успѣхами науки быстро сознается всякимъ, кто только не выработалъ въ себѣ равнодушія къ общимъ вопросамъ или своеобразнаго умѣнья сидѣть между двухъ стульевъ, заразы отвѣчать на одинъ и тотъ же вопросъ и да и нѣтъ. Ревизія эта должна быть предпринята на свой собственный страхъ и рискъ, потому что безъ достаточнаго размышленія нормальный человѣкъ можетъ принимать лишь въ извѣстномъ смыслѣ *quod semper, quod ubique, quod ab omnibus* или проповѣдь безспорныхъ (для него) умственныхъ авторитетовъ; въ послѣднемъ случаѣ обязанность самостоятельной ревизіи лежитъ на нихъ. Этотъ то самостоятельный пересмотръ міровоззрѣнія и обработка въ цѣляхъ

его послѣднихъ результатовъ научнаго изслѣдованія и есть философствованіе, а плоды послѣдняго составляютъ философію. Философія не можетъ явиться тамъ, гдѣ нѣтъ противорѣчія между новыми знаніями и старыми идеями.

Атмосферу, благопріятствующую развитію философіи, образуетъ вѣра въ силу знанія и уравновѣшенно - спокойное, теоретически-интересующееся отношеніе къ противорѣчіямъ мысли и жизни. Тамъ, гдѣ отсутствуетъ хотя бы одно изъ этихъ условій, философія процвѣтать не можетъ. Гдѣ нѣтъ вѣры въ силу знанія,—въ то, что для человѣческой мысли не существуетъ принципиально неразрѣшимыхъ проблемъ¹⁾; гдѣ результаты науки еще считается возможнымъ уравновѣсить авторитетомъ традиціи; гдѣ еще спрашиваютъ,—въ состояніи ли научное изысканіе перерѣшать тѣ высшія проблемы, которыя всѣмъ человѣчествомъ (или, по крайней мѣрѣ, извѣстной соціальной средой, легко принимаемой индивидуальнымъ сознаніемъ за равнозначную по авторитету со всѣмъ человѣчествомъ) признаются окончательными въ извѣстномъ смыслѣ: тамъ для философіи нѣтъ благопріятной атмосферы. Но и наличность одного этого условія (вѣры въ силу знанія) еще не образуетъ всей такой атмосферы. Эта вѣра можетъ быть, но отношеніе къ проблемамъ можетъ быть недостаточно спокойнымъ или, какъ очень характерно иногда говорятъ, именно не достаточно „философскимъ“. Извѣстная страстность, полемическій задоръ, своего рода фанатизмъ въ попыткахъ обоснованія и распространенія міровоззрѣнія, являясь обыкновенно сами продуктомъ или ненормальныхъ соціальныхъ и политическихъ отношеній, или вообще какого-либо личнаго практи-

¹⁾ Говоря это, я не забываю результатовъ Кантовскаго критицизма, объявляющаго метафизическія проблемы для человѣческой мысли неразрѣшимыми. Кантовскій критицизмъ, какъ одно изъ направленій философской мысли, обусловленное извѣстными историческими причинами и отношеніями, а также и нѣкоторыми специальными методологическими предположеніями, ни въ какомъ случаѣ не можетъ имѣть безусловное значеніе. Это—отнюдь не вѣчный, окончательный и непрекаемый запретъ для философской мысли. То-же надо сказать и о другихъ агностическихъ направленіяхъ. *Принципиально* для философіи неоспоримо-законнымъ притязаніемъ остается *всевѣдѣніе*. Припомнимъ Гегелевскій девизъ: „Человѣкъ долженъ уважать себя и считать себя достойнымъ самыхъ высокихъ истинъ“.

ческаго интереса, дѣлають философскую работу именно въ философскомъ-то смыслѣ безплодной. Здѣсь философія становится служанкой стороннихъ истинъ, нефилософскихъ стремлений. Чтобы быть безпристрастнымъ, мышленіе должно прежде всего стать безстрастнымъ, двигаться и вдохновляться только теоретическимъ интересомъ, безъ всякой примѣси практическихъ тенденцій. Для кого философскіе вопросы не суть только вопросы объ истинѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ или даже въ еще большей степени вопросы боевой жизненной программы, тому трудно создать въ философій что-либо крупное, самостоятельное и цѣнное. И адепты его возрѣній будутъ объединяться не столько вокругъ извѣстныхъ теоретическихъ принциповъ, сколько подъ знаменемъ нѣкоторыхъ практическихъ (политическихъ, социальныхъ и т. п.) задачъ.

Въ поясненіе сказаннаго не излишне будетъ привести двѣ-три историческихъ справки.

Я уже указалъ на средніе вѣка, какъ на эпоху, когда философствовали довольно много; въ совокупности явленій умственного труда философствованіе занимало тогда количественно или, если угодно, процентно болѣе видное мѣсто, чѣмъ теперь и вообще въ ближайшія къ намъ столѣтія; но толку изъ этого выходило мало, философія оставалась совершенно безплодной¹⁾ и выродилась въ такое жонглерство понятіями и терминами, которое справедливо навлекло на себя презрѣніе, а въ силу нѣкоторыхъ внѣшнихъ условій даже и ненависть мыслителей новаго времени;—вспомнимъ доселѣ еще живо чувствуемую одіозность самаго имени „схоластики“. Причина такого, на первый взглядъ нѣсколько страннаго, явленія заключается именно въ томъ, что въ средніе вѣка для фило-

¹⁾ Основной, дѣйствительно цѣнный и въ собственномъ смыслѣ философскій вопросъ, занимавшій умы въ теченіе всего средневѣковья, — вопросъ объ универсалияхъ, — былъ, въ сущности, единственной проблемой для періода времени по минимальному счету въ 400 лѣтъ, а на самомъ дѣлѣ значительно большаго. Самый вопросъ былъ не новъ, а ввухенъ былъ изученіемъ Платоновской и Аристотелевской философіи. Точно также и рѣшеніе частію было опять старымъ (въ обѣихъ реалистическихъ формулахъ: „*universalia sunt realia ante rem*“ и „*universalia sunt realia in re*“), частію же вызывалось лишь оппозиціей къ послѣднему и къ связанной съ нимъ церковной тиранинн (въ номиналистической формулѣ: „*universalia sunt nomina post rem*“).

софіи почти совсѣмъ не было ни *подходящей почвы, ни благоприятной атмосферы*. Положительныя научныя знанія были крайне бѣдны, результаты ихъ въ примѣненіи къ общему міровоззрѣнію—ничтожны; конфликты этихъ результатовъ съ традиціоннымъ міровоззрѣніемъ (религіозными вѣрованіями) случались сравнительно рѣдко, еще рѣже носили радикальный и непримиримый характеръ, а въ тѣхъ случаяхъ, когда что-либо подобное бывало, зарождающійся ростокъ философіи погибалъ или чахъ въ неблагоприятной и даже прямо вредной моральной, соціальной и церковно-политической атмосферѣ. Вѣра въ силу знанія тогда, несомнѣнно, была; но самый идеаль истиннаго философскаго знанія былъ подмѣненъ идоломъ раціонализированія и обоснованія уже готовыхъ истинъ (догматовъ церкви). Отношеніе къ противорѣчіямъ мысли и жизни не могло быть спокойнымъ, а почти неизбѣжно принимало боевой, полемическій и пропагандистскій характеръ, потому что *status quo* міровоззрѣнія ревниво охранялся церковью, всегда имѣвшей къ своимъ услугамъ средства политической и уголовной репрессіи. Независимый мыслитель долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ быть и энтузіастомъ, готовымъ на мученичество за идею. Но, не говоря уже о томъ, что на это способны лишь исключительно сильныя духомъ натуры, все равно ихъ настроеніе и настроеніе ихъ послѣдователей не могло быть чисто философскимъ. Распространеніе и исповѣданіе новыхъ идей носили на себѣ всѣ признаки религіознаго сектаторства и религіозной пропаганды.

Много философствовали и въ такъ называемую Эпоху Возрожденія, но и въ этомъ философствованіи толку было немного, потому что, хотя атмосфера для развитія и процвѣтанія философіи тогда и была благоприятной, но *почва только что начинала образовываться*. Вѣра въ знаніе, любовь къ нему, спокойное наслажденіе чистымъ мышленіемъ, не смущающееся церковнымъ авторитетомъ (родъ интеллектуальнаго эпикуреизма)—все это вмѣстѣ образовало въ высшей степени благоприятныя условія для философіи; но успѣхи положительныхъ наукъ были еще сравнительно невелики, для молодой философіи они не могли еще дать богатой пищи. Нарождались міровоззрѣнія стройныя, изящныя, симпатичныя, жизнерадостныя; но имъ сильно недоставало того

элемента серьезности и, такъ сказать, научной солидности, который обезпечиваетъ прочный и дѣлительный успѣхъ философскимъ системамъ.

Совершенно наоборотъ обстоитъ дѣло у насъ въ Россіи. Ученыхъ силъ у насъ много, научная работоспособность наша выше всякаго сомнѣнія, по научной продуктивности тѣ изъ нашихъ ученыхъ, которые не поставлены въ особенно неблагоприятныя условія, не уступаютъ европейскимъ, послѣдніе результаты научныхъ изслѣдованій широко распространены въ образованныхъ классахъ общества. Конфликтъ научнаго міровоззрѣнія съ традиционнымъ у насъ налицо и, притомъ, онъ имѣетъ болѣе острую и радикальную форму, чѣмъ гдѣ-либо еще. Казалось бы, болѣе благоприятной почвы для процвѣтанія философіи и желать не надо. А между тѣмъ—что же мы дали цѣннаго и самостоятельнаго въ философіи?—немногимъ болѣе, чѣмъ ничего. И это не потому, чтобы мы мало философствовали или не были расположены къ философіи. Напротивъ, философію мы очень любимъ и занимаемся ею много; объ этомъ свидѣлствуютъ и ростъ специально-философской литературы, и обиліе популярныхъ изданій научно-философскаго характера, и нерѣдкая, а въ послѣднее время даже обильная примѣсь философскаго элемента къ специально-научнымъ работамъ, и, наконецъ, сравнительное многочисленіе философскихъ аудиторій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Тѣмъ не менѣе дальше чисто-историческихъ, критическихъ, компилятивныхъ, подражательныхъ и продолжательныхъ работъ по философіи мы почти не пошли. Вполнѣ оригинальныхъ системъ, такъ сказать, перваго ранга у насъ нѣтъ. Кого мы могли бы, хотя приблизительно, поставить въ рядъ съ Декартомъ, Локкомъ, Юмомъ, Кантомъ, Гегелемъ или даже съ Гербартомъ, Фехнеромъ и т. п.? Почти всѣ наши философы безъ труда распредѣляются по рубрикамъ западно-европейскихъ направленій,—къ кому-либо „примыкаютъ“, кого-либо „перерабатываютъ“, „продолжаютъ“ и т. д. Гдѣ причина этого печальнаго явленія? Можно не колеблясь утверждать, что виною здѣсь—та *тяжелая атмосфера*, въ какой приходится жить и работать нашимъ философамъ. Главные питомники философской мысли,—университеты и академіи,—лишены у насъ той „академической свободы“, какою без-

мятежно наслаждаются нѣмецкіе университеты. Да и въ своей внѣ-академической, литературной дѣятельности наши философы до крайности стѣснены разными обязательными и добровольными цензурами. Кромѣ того, и весь вообще строй нашей жизни, почти замирающей въ тискахъ господствующаго режима и всякаго рода опеки, запрещеній и т. п., перемѣщаетъ у всѣхъ умственно развитыхъ людей центръ вниманія съ чисто-теоретическихъ вопросовъ на задачи борьбы съ давящимъ насъ гнетомъ. Сама философія поневолѣ пріобрѣтаетъ до нѣкоторой степени боевой (слѣдовательно, уже не философскій) характеръ. Противорѣчія съ традиционными и, такъ сказать, оффиціозными идеями у насъ стараются тщательно избѣгать. Въ этихъ видахъ, многихъ вопросовъ стараются прямо не касаться. Зато тамъ, гдѣ бываетъ наоборотъ, тамъ философствованіе пріобрѣтаетъ рѣзко полемическую, въ извѣстномъ смыслѣ революціонную окраску. Чтобы сказанное не казалось голословнымъ, напомнимъ Вамъ нѣкоторые довольно характерныя конкретныя явленія и случаи изъ исторіи нашей философской мысли. Въ свое время Гегелевская философія сдѣлалась прібыжищемъ для не имѣвшей исхода политической мысли русскаго общества. Въ 60-хъ годахъ матеріализмъ сдѣлался знаменемъ, подъ которымъ собирались прогрессивные элементы общества. Тогда же и позднѣе роль подобнаго знамени игралъ дарвинизмъ. Затѣмъ марксизмъ, новокантианство, прилаженное къ рѣшенію соціологическихъ проблемъ, теперь идеализмъ и реализмъ, за борьбой которыхъ такъ и чувствуется борьба реакціи съ освободительнымъ движеніемъ,— все это наглядные примѣры того, во что можетъ превращаться философія въ нашей русской атмосферѣ. Вспомните Грота, подвергшагося чуть не инквизиціонному преслѣдованію архіепископа Никанора, вспомните травлю Влад. Соловьева за его невинный рефератъ объ упадкѣ средневѣковаго міровоззрѣнія. Переводъ „Введенія въ философію“ Паульсена могъ появиться, только пройдя чрезъ комитетъ министровъ и лишь благодаря встрѣченному тамъ авторитетному заступничеству. А сколько сильныхъ и несомнѣнно философскихъ умовъ должны были покинуть отечество? А что отняло возможность самостоятельнаго творчества у такой свѣтлой философской головы, какъ покойный Кудрявцевъ? Нужно ли,

наконецъ, говорить о томъ, что у всѣхъ предъ глазами,—какъ пишутся иногда изображенія западной философіи, говоряція однако не то, что есть на самомъ дѣлѣ, а то, что желательно начальству? и съ другой стороны,—подобные же quasi - историческіе очерки съ совершенно противоположными тенденціями?

Вернемся теперь къ нѣмцамъ.

Если не покидать начатаго сравненія, то можно сказать, что въ Германіи „академическая свобода“ создаетъ для философіи и плодоносную почву, и благопріятную атмосферу.

Положительныя науки находятся въ Германіи въ блестящемъ состояніи. Тщательность и методичность работы, чрезвычайная спеціализація, превосходная организація эксперимента и разныхъ вспомогательныхъ научныхъ учреждений и проч. под. дѣлаютъ Германію истинной мастерской научныхъ открытій и новыхъ выводовъ. Лѣтописи послѣднихъ чуть не каждый годъ даютъ богатѣйшій матеріаль для самыхъ разнообразныхъ и радикальныхъ ревизій міровоззрѣнія. Но мы знаемъ, что вѣдь здѣсь дѣло не въ одномъ матеріалѣ. Для философіи гораздо важнѣе то положеніе, въ какое ставится этотъ матеріаль относительно общихъ вопросовъ и господствующихъ идей традиціоннаго міровоззрѣнія. И въ этомъ случаѣ у нѣмцевъ дѣло обстоитъ такъ хорошо, что почти ничего болѣе и желать не остается. Прежде всего, уже каждый почти ученый самъ не упуститъ случая отмѣтить философскія слѣдствія полученныхъ имъ результатовъ или гносеологическія предположенія примѣненныхъ имъ методовъ. А затѣмъ, и философы въ собственномъ смыслѣ слова слѣдятъ за этимъ очень внимательно. Никакой робости предъ возможностью разойтись съ принятыми или господствующими воззрѣніями ни ученый, ни философъ не испытываютъ; напротивъ, такая разница всякій разъ тщательно отмѣчается, какъ предметъ достойный нарочитаго обсуждения. Послѣднее однако отнюдь не является притязаніемъ что-то разрушить или сохранить, не становится какимъ-то кричащимъ предпріятіемъ, а напротивъ, считается самой обыденной, вполне естественной и ни въ какой агитаціи не нуждающейся вещью,—въ родѣ какъ бы подведенія дневнаго или недѣльнаго баланса въ приходорасходныхъ книгахъ науки и философіи. Такое положеніе дѣла есть

несомнѣнное слѣдствіе господствующей въ нѣмецкихъ университетахъ „академической свободы“. Нѣмецкій профессоръ привыкъ въ своей аудиторіи, а потомъ и въ своихъ книгахъ возвѣщать только то, что онъ по своему искреннему убѣжденію считаетъ истиной, и эту истину онъ совершенно спокойно соотноситъ и съ другими истинами, и съ общими принципами. Онъ не видитъ въ этомъ съ своей стороны какой-либо смѣлости или особой заслуги. Это просто его обязанность, нѣчто такое, что и не можетъ быть какъ - либо иначе.

Академическая свобода создаетъ ту атмосферу *уравновѣженности и спокойствія* въ отношеніи ко всякаго рода проблемамъ, то чисто *теоретическое* разсмотрѣніе ихъ, какія такъ существенно важны для появленія самостоятельнаго и плодотворнаго философствованія. Тамъ, гдѣ у насъ очень легко могла бы явиться полемика, апологетика, пропаганда или какой-либо иной изъ видовъ предзанятаго, тенденціознаго отношенія къ истинѣ, стремленіе утилизировать ее для нѣкоторыхъ а priori поставленныхъ или какимъ-либо внѣшнимъ интересомъ намѣченныхъ цѣлей, тамъ нѣмецкій профессоръ считаетъ своимъ долгомъ безпристрастно разсудить, не преувеличивая значенія обсуждаемыхъ данныхъ. Онъ вовсе не наголодался такъ отъ лишенія свободы, какъ его русскій коллега. Онъ просто только ни на что не закрываетъ глазъ, все приводитъ въ ясность и откровенно сопоставляетъ противорѣчія, выводитъ слѣдствія и т. п., отнюдь не думая, будто этимъ онъ хоть въ какомъ-либо отношеніи совершаетъ подвигъ.

При такихъ-то условіяхъ вполне легко и свободно развертывается индивидуальное *философское творчество*. Ни одно изъ препятствій, обыкновенно тормозящихъ такое творчество, въ Германіи не имѣетъ такой силы, какъ, наприм., у насъ. Главный тормозъ,—неувѣренность въ своемъ правѣ на свободное выраженіе своихъ убѣжденій и чувство постоянного риска подвергнуться за научныя или философскія мнѣнія дисциплинарной отвѣтственности,—у нѣмцевъ совершенно отсутствуетъ, тогда какъ у насъ онъ создаетъ по временамъ невыносимо тяжелое настроеніе, парализующее умственную изобрѣтательность. А благодаря отсутствію такого внѣшняго стѣсненія, въ философствованіи нѣмецкихъ профессоровъ

меньше даютъ себя знать и тѣ субъективныя антифилософскія предрасположенія, которыя въ большей или меньшей степени неизбежно присущи всякому мыслителю и понижаютъ объективную цѣнность его философскихъ идей.

Въ числѣ такихъ предрасположеній, какъ извѣстно, прежде всего стоитъ невольное подчиненіе разнаго рода практическимъ интересамъ и вліянію чувства. Вспомните изреченіе: „*quae volumus, ea libenter credimus*“, вспомните полныя яда наблюденія Шопенгауэра надъ этой человѣческой слабостью (изложенныя въ его „Эристикъ“). Конечно, какъ люди, и нѣмецкіе профессора не свободны отъ этого недостатка; но имъ легче его избѣгать. На стражѣ практическихъ интересовъ и интересовъ чувства въ Германіи стоятъ обыкновенно консерваторы: припомните, что я сказалъ нѣсколько ранѣе о конфликтахъ академической свободы съ охранительными стремленіями и объ исходѣ этихъ конфликтовъ (стр. 72). Практика открытой и нерѣдко повторяющейся борьбы создала у нѣмецкихъ философовъ особенное чутье научной и объективно-философской правды, а вмѣстѣ съ тѣмъ и чутье практической заинтересованности, которую они почти всегда умѣютъ отличать отъ теоретической убѣжденности. Они отлично знаютъ, что ихъ всегда могутъ упрекнуть въ практической заинтересованности, а это упрекъ — не изъ пріятныхъ. Еще того болѣе, они знаютъ, что консерваторы и реакціонеры, а также и люди другихъ лагерей, заинтересованные въ пропагандѣ извѣстнаго рода идей, не преминутъ ихъ скомпрометировать выраженіями своего одобренія и сочувствія. Наконецъ, и вообще долгая школа критической мысли сдѣлала уловки некритичнаго мышленія легко замѣчаемыми и потому устранимыми. Все это невольно заставляетъ университетскаго философа въ Германіи быть всегда насторожѣ противъ разсматриваемой антифилософской тенденціи.

Другимъ антифилософскимъ вліяніемъ является вліяніе наивнаго міровоззрѣнія здраваго смысла. Ему нѣмецкій философъ можетъ поддаться сравнительно легче, но все же и противъ него онъ до извѣстной степени застрахованъ тѣми условіями работы, какія созданы практикой академической свободы. Доктринерство и родъ плохо скрытой антипатіи къ

т. н. здравому смыслу многіе склонны считать принадлежностью національнаго характера нѣмцевъ (не мало вѣдь есть и анекдотовъ на тему о томъ, какъ нѣмецъ какою-нибудь выдумку, кунштюкъ, предпочитаетъ внушеніямъ естественной сметки). Вѣрнѣе же будетъ признать, что это—плодъ долготѣлнмъ опытомъ воспитанной привычки довѣрять наукѣ и вообще теоретическому изслѣдованію. Априорнаго недоувѣрія къ научной или философской теоріи отъ нѣмца вообще и отъ нѣмецкаго студента въ частности ожидать трудно; напротивъ, отъ профессора и отъ философа они всегда ожидаютъ чего-либо новаго, своеобразнаго, чего они сами раньше не знали. Такъ привыкаетъ смотрѣть на себя и самъ профессоръ. Сознательнаго пѣтета къ „gesunder Menschenverstand“ нѣмецкій ученый, а тѣмъ болѣе философъ отнюдь не питаетъ и если можетъ его внушеніямъ иногда подчиняться, то только безсознательно или инстинктивно.

Третье антифилософское вліяніе есть догматическое вліяніе предшествующихъ философскихъ системъ. Это вліяніе, вообще говоря, не слѣдуетъ слишкомъ дурно оцѣнивать. До извѣстной степени оно желательно и полезно. Попытки продолжить систему, разработать ее далѣе, примѣнить ея принципы къ различнымъ областямъ знанія и жизни, polemически соотнести или примирить съ принципами другихъ системъ,—все это, будучи результатомъ оказываемаго спетемой вліянія, вмѣстѣ съ тѣмъ является и пробой ея прочности и плодотворности: лишь система, которая такимъ образомъ разносторонне исчерпана въ ея притязаніяхъ, можетъ быть вполне и объективно оцѣнена, недостатки ея вскроются со всею очевидностью, и выступающая на ея смѣну философія можетъ сознательно занять дѣйствительно выгодную и цѣнную для себя позицію. Въ этомъ отношеніи нѣмецкіе философы не могутъ быть упрекнуты въ невниманіи къ своимъ предшественникамъ. Существованіе философскихъ школъ является постояннымъ доказательствомъ того, какъ высоко въ Германіи умѣютъ цѣнить идеи корифеевъ философской мысли. Здѣсь—въ нѣкоторомъ родѣ ручательство за то, что здравая и плодотворная идея у нѣмцевъ никогда не пропадетъ незамѣченной и неоцѣненной. Но это наслѣдіе прошлаго можетъ зачастую быть и весьма тяже-

лымъ, вредно отражаясь на самостоятельности и непредза-
нятости философской работы ¹⁾. Въ этомъ смыслѣ я и за-
говорилъ о вліяніи прежнихъ системъ, какъ именно объ
антифилософскомъ вліяніи. Противъ такого крайняго, слѣ-
пого преклоненія предъ авторитетами нѣмецкій философъ
тоже въ значительной степени защищенъ традиціями своей
школы (университета). А въ выработкѣ этихъ традицій са-
мую существенную роль играла опять академическая сво-
бода.

Некритичная приверженность къ извѣстнымъ вліятель-
нымъ философемамъ есть болѣзнь давно и хорошо знакомая
нѣмцамъ; а потому противъ нея много раздается предосте-
реженій и въ школѣ, и каждый стремится также самъ себя
уберечь отъ нея или, во всякомъ случаѣ, считаетъ себя
обязаннымъ къ этому. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣ-
мецкій мыслитель и просто перепѣваетъ чужіе мотивы, онъ
будетъ и себя самого и другихъ увѣрять, что онъ не слѣпо
слѣдуетъ за другими, а съ критической провѣркой, само-
стоятельно проходя тотъ путь, какой ими пройденъ. Въ прин-
ципѣ каждый нѣмецкій философъ сознаетъ, можно сказать,
обязанность быть оригинальнымъ. Интенсивность этого со-
знанія умѣряется въ немъ лишь не менѣе ясно сознаваемой
обязанностью не забывать и не игнорировать того цѣннаго,
что сдѣлано другими. Конечно, идеально правильное соотно-
шеніе такихъ двухъ стремленій не всегда бываетъ налицо:
чаще преобладаетъ одно какое либо изъ нихъ. Оставляя
теперь въ сторонѣ ту группу, у которой преобладающимъ
интересомъ является разработка и усовершенствованіе сдѣ-
ланнаго другими,—это, повторяю, тоже очень цѣнная и
почтенная работа,—я долженъ указать Вамъ на другую
группу, проникнутую интенсивнымъ стремленіемъ къ ориги-
нальности, какъ на носительницу истинной философской
продуктивности, оплотъ неизсякающаго умственнаго твор-
чества. О любомъ изъ представителей этой послѣдней группы
въ большей или меньшей степени можно сказать, что онъ
всегда хочетъ быть непременно оригинальнымъ. Такое стрем-

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. въ моей брошюрѣ „Исторія философіи,
какъ процессъ постепенной выработки научно обоснованнаго и истиннаго
міровоззрѣнія“. 1899 г. Стр. 33.

леніе имѣеть, правда, и свои дурныя стороны, можетъ быть даже иногда опаснымъ,—способнымъ скомпрометировать философію: но оно, во всякомъ случаѣ, гарантируетъ отъ бесплоднаго комментаторства и повторенія стараго. Дурныя же его стороны (оригинальничанье безъ достаточныхъ ресурсовъ) уравниваются дѣятельностью другой изъ названныхъ группъ,—скажемъ, консервативной.

Стремленіе къ оригинальности, несомнѣнно, воспитано академической свободой. Профессоръ обязанъ въ аудиторіи возвѣщать только научную истину, не связанный никакимъ заранѣе санкціонированнымъ содержаніемъ, признаваемымъ за истину. Профессоръ-философъ обязанъ возвѣщать непременно свое собственное философское убѣжденіе, не заботясь о томъ, нравится кому либо (особенно изъ власть имущихъ) это убѣжденіе или нѣтъ. Аудиторія имѣеть право слышать отъ профессора именно „свое“ слово, а профессоръ въ такой же мѣрѣ обязанъ сказать это слово. Но нигдѣ такой usus не можетъ столь сильно содѣйствовать развитію оригинальности и творческой предприимчивости, какъ въ философіи. А съ другой стороны, и отсутствіе академической свободы ни на чемъ не сказывается такими губительными послѣдствіями, какъ на философскомъ творчествѣ. Результаты положительныхъ наукъ обыкновенно бываютъ безспорны и непрерываемо очевидны; и надо обладать большимъ мѣднолобіемъ, чтобы рѣшиться открыто бороться съ ними путемъ административныхъ воздѣйствій; а когда такіе случаи бываютъ (при отсутствіи академической свободы они неизбежны), позиція борцовъ противъ науки обыкновенно быстро оказывается фальшивой, и они рано или поздно должны бываютъ уступить. Потеря оказывается по большей части только во времени, да и то лишь для одной страны, потому что запрещаемое, скажемъ, у насъ всегда можетъ быть обнародовано за границей. Философскіе выводы всегда болѣе или менѣе проблематичны, и борьба съ ними не можетъ получить такого вопіюще-скандальнаго характера, какъ борьба противъ науки,—тѣмъ болѣе, что борьба съ философскими идеями обыкновенно прикрывается знаменемъ высшихъ моральныхъ, религіозныхъ и общественныхъ интересовъ. А между тѣмъ самое существованіе категорій, такъ сказать, запретныхъ идей убиваетъ охоту братья за такой

рискованный или сопряженный съ унижительными литературными уловками трудъ. Философскіе таланты начинаютъ расходоватьсѣ на критику, полемику, историческія изслѣдованія...

Въ заключеніе своей рѣчи о вліяніи академической свободы на выработку философскихъ воззрѣній, я долженъ указать и на значеніе въ этомъ отношеніи студенческой свободы.

Принятый въ Германскихъ университетахъ порядокъ изученія наукъ, — отсутствіе какихъ либо обязательныхъ программъ, курсовъ, экзаменовъ и пр., — даетъ возможность *болѣе естественнаго подбора умственныхъ силъ къ спеціальностямямъ*. Каждый студентъ изучаетъ то, чѣмъ интересуется, или то, что ему нужно; и это — не въ формѣ права выбрать только факультетъ, а дальше уже не смѣть своего сужденія имѣть и изучать все, что на этомъ факультетѣ полагается. Онъ имѣетъ право комбинировать изучаемые предметы въ любомъ количествѣ и при самомъ выборѣ предметовъ не стѣсняться факультетскими перегородками. Существуетъ даже (по крайней мѣрѣ, въ Берлинскомъ университетѣ) для имматрикулированныхъ студентовъ право пробнаго посѣщенія лекцій извѣстнаго профессора въ теченіе, если не ошибаюсь, полутора мѣсяца съ цѣлью опредѣлить, интересенъ ли данный курсъ, и стоитъ ли слушать даннаго профессора. Самая ошибка въ выборѣ здѣсь легко поправима, и потеря времени можетъ ограничиться всего однимъ только семестромъ, а то даже и менѣе. Все это даетъ возможность талантливому нѣмецкому студенту вполне по вкусу и по способностямъ подобрать для себя группу изучаемыхъ наукъ и, само собою понятно, достигнуть при этомъ условіи наиболѣе плодотворныхъ результатовъ. Уже само по себѣ это обстоятельство представляется весьма выгоднымъ для философіи, потому что охотно, съ любовью изученныя и соответствующія умственнымъ способностямъ человѣка науки скорѣе натолкнутъ его на общіе (философскіе) вопросы, въ которые упирается та или иная наука, нежели занятія по свыше предписаннымъ программамъ и съ обязательнымъ отчетомъ въ пройденномъ. А еще болѣе это важно въ томъ отношеніи, что и прямо къ занятіямъ въ собственномъ смыслѣ философіей привлекаются люди дѣйствительно къ тому спе-

собные и часто особенно талантливые. Сколько такихъ силъ могло бы теряться для философіи и дѣйствительно теряется въ странахъ съ иной университетскою системою! Подумайте только, что было бы, если бы Кантъ сдѣлался и остался филологомъ, какъ онъ мечталъ въ средней школѣ... А нашъ покойный математикъ Н. В. Бугаевъ, мнѣ кажется, во всемъ складомъ своего ума предназначался болѣе быть философомъ, и изъ него навѣрное вышелъ бы первоклассный мыслитель:— не надо ли пожалѣть, что онъ не родился въ Германіи?

2. Какъ я сказалъ, академическая свобода въ Германіи вліяетъ не только на выработку философскихъ воззрѣній, но также и на ихъ распространеніе и усвоеніе (стр. 76).

Строй университетской жизни обуславливаетъ самое разностороннее взаимодействіе между лицами, такъ или иначе принадлежащими къ университету. Если аудиторія своими молчаливыми или открытыми требованіями можетъ оказывать вліяніе на профессора, то, само собою понятно, съ еще большимъ правомъ можно утверждать обратное вліяніе—профессора на свою аудиторію. Последнее принадлежитъ не только къ числу самыхъ естественныхъ вещей, но и составляетъ прямую и главную, если только не единственную задачу университетскаго преподаванія. Понятно, что благоприятная для философской продуктивности атмосфера не только преподавателямъ облегчаетъ творчество, но и въ ученикахъ создаетъ особенную чуткость и воспримчивость къ свѣжимъ философскимъ идеямъ. Къ общимъ дѣйствующимъ здѣсь причинамъ присоединяется еще одна очень могучая,— это *вѣра въ профессора*, довѣріе (часто почти прямо слѣпое) къ надежности его руководства и къ цѣнности его указаній. При ея содѣйствіи, настроеніе студентовъ быстро становится не только вполне однороднымъ съ настроеніемъ передовыхъ профессоровъ, но даже опережаетъ его по горячности и прямолинейности (таково ужъ свойство юношеской воспримчивости). Въ особенности быстро и вѣрно это достигается на такъ называемыхъ практическихъ занятіяхъ и въ семинарахъ, гдѣ живое, непосредственное и, притомъ, нерѣдко индивидуализированное вліяніе профессора западаетъ въ души, проникнутыя особеннымъ интересомъ и любовью къ предмету. Этимъ парализуется дѣйствіе условій, тормозящихъ распространеніе философскихъ идей, поскольку названныя

условія общи съ препятствіями для самаго творчества философскаго. Относительно наивнаго міровоззрѣнія естественнаго смысла надо сказать, что никто такъ легко и охотно не поступаетъ въ ряды его противниковъ, какъ именно студенческая молодежь, благодаря своей ничѣмъ еще не омраченной и не поколебленной вѣрѣ во всемогущество науки и въ авторитетъ профессора. Студентъ въ университетѣ прежде всего хочетъ узнать нѣчто такое, что ставило бы его выше міровоззрѣнія обыкновенныхъ смертныхъ; онъ особенно дорожитъ тѣмъ, что открываетъ ему какъ бы секреты жизни и бытія, недоступныя профанамъ;—настроение, на рѣдкость благоприятное для всякихъ философскихъ поствовъ. Что же касается традицій философскихъ школъ, то отъ слѣпой приверженности къ нимъ студента нечего и освобождать; онъ вообще отъ нихъ свободенъ—просто-напросто потому, что *не знаетъ ихъ*. Уже отъ профессора зависитъ внушить юношѣ такое или иное отношеніе къ нимъ. Правда, собственныя идеи профессора становятся нерѣдко для его учениковъ священными традиціями; но въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ той полезной стороной раздражительности и продолжительности, о какой я Вамъ говорилъ немного ранѣе. Для распространенія новыхъ философскихъ идей это—факторъ, во всякомъ случаѣ, благоприятный. Впослѣдствіи, когда силы молодого философа вполнѣ окрѣпнутъ, онъ сумѣетъ и самъ стать на собственныя ноги и отрѣшиться отъ догматической приверженности къ идеямъ учителя. А кто этого не сможетъ,—опять бѣда не велика: значитъ, онъ самой природою предназначенъ быть апостоломъ чужой философіи;—миссія, повторяю, тоже не бесполезная и даже прямо цѣнная въ общемъ ходѣ развитія нѣмецкой философіи.

Помимо этихъ общихъ причинъ, распространенію философскихъ идей очень много содѣйствуетъ прекрасная организація *приватъ-доцентуры* въ нѣмецкихъ университетахъ.

Благодаря легкости полученія приватъ-доцентуры, въ Германіи всякій, кто имѣетъ чѣмъ подѣлиться съ людьми, интересующимися наукой и философіей, можетъ найти для себя аудиторію. Всякая свѣжая мысль, нищущая распространенія, имѣетъ возможность громко прозвучать именно предъ тѣми слушателями, которые жаждутъ истины и званія. Моно-

поля пропаганды въ Германіи совершенно исключена ¹⁾. И напрасно въ свое время Шопенгауэръ жаловался на какой-то заговоръ замалчиванья, практиковавшійся будто бы профессорами философіи относительно его системы. Такого заговора, по существу дѣла, не могло быть и не было. Если онъ желалъ распространенія своихъ идей среди университетской молодежи, то ему слѣдовало бы лучше воспользоваться правомъ привать-доцентуры, нежели это онъ сдѣлалъ. Отчаянная конкуренція съ Гегелемъ, заставлявшая его назначать для своихъ лекцій тѣ же самые дни и часы, когда читалъ Гегель, лишила его и той доли успѣха, какой онъ могъ бы имѣть (хотя надо правду сказать, по настроенію тогдашняго студенчества успѣхъ этотъ не могъ быть великъ). Привать-доцентура, это прямое порожденіе академической свободы, безгранично расширяетъ и облегчаетъ возможность распространенія философскихъ идей всѣми тѣми выгодами преподавательскаго университетскаго положенія, какія имѣются къ услугамъ штатныхъ профессоровъ. Благодаря привать-доцентурѣ этими выгодами можетъ вос-

¹⁾ Значеніе привать-доцентуры въ нѣмецкихъ университетахъ прекрасно выясняетъ не разъ уже цитированный мною проф. Паульсенъ. „Привать-доцентура, говоритъ онъ, представляетъ своеобразное учрежденіе въ нѣмецкихъ университетахъ: его иностранцы нерѣдко выставляютъ источникомъ ихъ силы. Попытаюсь двумя-тремя штрихами отмѣтить его значеніе... Благодаря привать-доцентамъ академическая карьера въ большей степени, чѣмъ всякій другой родъ службы, запечатлѣна характеромъ свободной профессіи. Вступленіе въ число привать-доцентовъ происходитъ не по приглашенію, не по назначенію, не по избранію и не по конкурсу, а по свободному собственному рѣшенію человѣка. Кто чувствуетъ призваніе къ работѣ и преподавательской дѣятельности, можетъ, доказавъ предъ факультетомъ свою способность, слѣдовать своему внутреннему голосу и совершенно свободно сдѣлать пробу своихъ силъ. Онъ не беретъ на себя никакой опредѣленной работы, никакихъ обязанностей; съ своей стороны, и университетъ, государство, не беретъ на себя никакихъ обязательствъ по отношенію къ нему. Привать-доцентъ занимаетъ самое свободное, самое независимое положеніе, какое только существуетъ на свѣтѣ. Онъ остается частнымъ ученымъ, но если желаетъ, то имѣетъ возможность заниматься преподаваніемъ университетской молодежи. Нѣтъ сомнѣнія, что на этомъ именно покоится большая притягательная сила такого положенія для наиболѣе независимыхъ и сильныхъ умовъ: вѣтъ тоже сомнѣнія, что этимъ привлекаются въ университетъ люди, ищущіе прежде всего не почета и прочнаго служебнаго положенія, а свободы въ научной работѣ и независимости“ (*Paulsen, a. a. O., SS. 224 ff.*)

пользоваться всякій, кому есть что повѣдать интересующемуся философіей міру. Такая возможность въ особенности важна для новыхъ философскихъ идей, потому что приватъ-доценты уже по самому своему возрасту являются, по преимуществу, проповѣдниками новаго. Проф. Паульсенъ въ этомъ именно и видитъ ихъ особенную цѣнность для университета: „въ этихъ двухъ группахъ университетскихъ преподавателей (профессоровъ и приватъ-доцентовъ), говоритъ онъ, представлены двѣ тенденціи, на которыхъ зиждется какъ вся историческая жизнь, такъ и жизнь науки,—тенденція охранительная и прогрессивная. Выразителями новаторской тенденціи служатъ молодые талантливые ученые: въ нихъ жива потребность служить дѣлу внесеніемъ новыхъ идей и открытій и стремленіе составить себѣ имя: plus ultra—пароль молодости. Вторая тенденція представлена людьми признаннаго уже значенія: ихъ пароль—*parva tueri*. Это не менѣе необходимая тенденція. Если бы не было потребности въ сохраненіи и укрѣпленіи признанной истины, то новыя идеи непрерывно обгоняли бы одна другую, и нельзя было бы достигнуть сколько-нибудь надежнаго состоянія, которое необходимо и для самихъ новыхъ идей: онѣ развиваются и крѣпнута только посредствомъ борьбы съ старыми, общепризнанными. Впрочемъ, я отнюдь не держусь мнѣнія, что профессоры не могутъ дать ничего новаго, или что всѣ приватъ-доценты могутъ или должны открывать новыя идеи и системы. Но въ жизни каждаго приходитъ день, когда прошлое одерживаетъ верхъ надъ будущимъ. Въ общемъ у приватъ-доцентовъ этотъ день лежитъ впереди, а у профессоровъ онъ уже назади“¹⁾.

Наконецъ, тоже не малую роль въ распространеніи и укрѣпленіи новыхъ философскихъ идей играютъ существующія при университетахъ *философскія общества и студенческіе научныя фереины*. Останавливаться на ихъ значеніи я не буду, потому что по организаціи своей и по характеру они очень близко напоминаютъ знакомыя Вамъ явленія,—напр., существующій при нашей Академіи студенческой философскій кружокъ или отдѣленіе студенческаго филологическаго общества при Московскомъ Университетѣ. Они даже, какъ

¹⁾ Paulsen a. a. O., SS. 228—229.

Вамъ извѣстно, послужили прототипомъ для нашихъ студенческихъ учрежденій (напомню Вамъ, что уставъ нашего кружка выработанъ проф. П. П. Соколовымъ по образцу уставовъ нѣмецкихъ студенческихъ научныхъ фереинговъ). Скажу только, что здѣсь привычка къ самостоятельному философствованію и философской критикѣ, а также и къ пониманію истинной цѣнности вновь нарождающихся философскихъ идей еще вѣрнѣе вырабатывается и упрочивается, нежели въ такъ называемыхъ семинарахъ.

Во всемъ предшествующемъ изложеніи, Мм. Гг., я старался показать Вамъ, въ какомъ видѣ представляется мнѣ вліяніе университетской свободы на развитіе нѣмецкой философіи.

Мысль эта явилась у меня уже сравнительно давно, когда я еще былъ въ Германіи. Сначала она не прельщала меня своей особенной правдоподобностью: мнѣ казалось, что такая „импондерабилія“, какъ академическая свобода, едва ли можетъ быть факторомъ, объясняющимъ въ интересующемъ меня вопросѣ *все*. Мнѣ даже самая эта свобода казалась нѣсколько подозрительной, какъ родъ анархіи въ учебномъ дѣлѣ. Но чѣмъ болѣе я вдумывался въ детали моего вопроса, тѣмъ все болѣе разсѣвались мои сомнѣнія, и крѣпко убѣжденіе въ правотѣ моей мысли.

Минувшимъ лѣтомъ я не мало бесѣдовалъ объ этомъ съ нѣмецкими профессорами (въ Галле). Ихъ полное согласіе съ моими выводами окончательно укрѣпило меня въ сознаніи моей правоты.

Теперь это—мое непоколебимое убѣжденіе. Основанія его я изложилъ Вамъ. Не знаю, удалось ли мнѣ Васъ вполне или хотя бы только въ значительной степени убѣдить.

П. Тихомировъ.

Москва.
1904 г. 17 сент.
